18+

Михаил Анатольевич
Кривцов

Русские горки

Солнечный ветер

Михаил Анатольевич Кривцов

Русские горки. Солнечный ветер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69206194
ISBN 9785005998774

Аннотация

Это сборник коротких повестей о похождениях русских людей на поверхности планеты Земля в XIX – XX веках. Пародия на классический вестерн «Настоящему индейцу завсегда везде ништяк» повествует о приключениях блудливого попа и отмороженного казака на Диком Западе. Новелла «За свою Правду!» рассказывает о малоизвестном восстании ижевских рабочих против большевиков. А в повести «На острие» показана борьба СМЕРШа с бандеровщиной и Армией Крайовой. В книгу также вошли стихи разных жанров.

Содержание

НАШИ НА ДИКОМ ЗАПАДЕ, ИЛИ НАСТОЯЩЕМУ ИНДЕЙЦУ ЗАВСЕГДА ВЕЗДЕ НИШТЯК 5
1. Слово Божие, или кто явился на призыв 6
2. Неисповедимы пути Господни. И наши тоже 8
3. Не надо искать приключений – они найдут вас сами 10
4. Круче только яйца 12
5. Правосудие по техасски 15
6. Железный конь бьет копытом 18
7. Пуп свободы 20
8. Златоуст Мефодий 22
9. Триста процентов прибыли 23
10. Когда чертям тошно 24
11. Упразднение монархии 28
12. Как стать настоящим человеком 29
13. Ветер странствий пахнет керосином 32
14. Пикничок 34
15. Чёрный бетмен 36
16. Мудрость соломонова и её последствия 38
ЗА СВОЮ ПРАВДУ! 39
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Русские горки
Солнечный ветер

Михаил Анатольевич Кривцов

© Михаил Анатольевич Кривцов, 2023

ISBN 978-5-0059-9877-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НАШИ НА ДИКОМ ЗАПАДЕ, ИЛИ НАСТОЯЩЕМУ ИНДЕЙЦУ ЗАВСЕГДА ВЕЗДЕ НИШТЯК

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток,
и с мест они не сойдут,
Пока не предстанут Небо с Землёй
на страшный Господень суд.
Но нет Востока и Запада нет,
что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу
у края земли встаёт?

Р. Киплинг

Автор сего опуса большой поклонник творчества Луиса Ламура, но он не в восторге от засилья американского национального пафоса и не прочь его, в меру сил своих, опустить. Будучи по натуре отчаянным зубоскалом, не лишенным при этом гражданской совести, он симпатизирует также взглядам Михаила Задорнова на наши взаимоотношения с западной цивилизацией- цивилизацией тёплого сортира. Русскому человеку тёплого сортира и всего к нему прилагающегося для счастья недостаточно- ему нужна более высокая цель. Будь автор более серьёзным- он заявил бы, что его новая книга будет посвящена столкновению этих двух менталитетов.

1. Слово Божие, или кто явился на призыв

Салун «Бледный конь» был полон, но его хозяина это не радовало, поскольку посетители, забыв об оплаченной выпивке, во всю глазели на необычного проповедника, совсем не похожего на своих бродячих коллег. Богатырский торс пастыря вместо чёрного сюртука облекала пропылённая ряса, а вместо привычного белого воротничка главным украшением сего воинствующего апостола был здоровенный крест, покоящийся на добром пивном брюшке. Призывы к покаянию, обращённые к прифронтирной шайке, которые вылетали из растрёпанной бороды преподобного, излагались весьма доходчивым языком, освоенным очевидно в портовых притонах Сан-Франциско. При этом новоявленный фриар Тук дирижировал себе пивной кружкой зажатой в одной богатырской лапище и техасским бифштексом с кровью нацепленным на здоровенный ножик системы ятаган в другой не менее мощной длани. Гнев Божий долженствующий пасть на не раскаявшиеся по сию пору головы в изложении столь грозного вестника обещал быть жутким. Понятно, что любимое пойло, под такой акомпонимент в глотки шло туго.

И вот в самый апогей пламенной проповеди неожиданно хлопнули отброшенные входные створки и в зале возник ещё

один не менее живописный персонаж, увенчанный косматой чеченской папахой, в летнем суконном чекмене с кожаной оторочкой перепоясанном красным кушаком за который была заткнута пара Смит и Вессонов сорок четвёртого калибра. Шашки правда не было. Но и без неё, судя по всему, желающих предъявлять претензии этому молодцу находилось не много. Загорелую физиономию украшали рыжая борода и пара шрамов.

Леденящая кровь филиппика прервалась на полуслове-лужённая глотка проповедника исторгла радостный вопль: «Антоха- ты?!» Затем последовали медвежьи объятия с выбиванием техасской пыли из спин друг друга. Такую встречу требовалось спрыснуть и потому бизнес владельца «Бледного коня» тронулся с мёртвой точки галопом.

2. Неисповедимы пути Господни. И наши тоже

Когда изрядно подгулявшие приятели вывалились, наконец, из кабака и, переступая через выброшенных из него несостоятельных претендентов на выпивку, побрели к коновязи их встречали не только верные четвероногие, но и чумазый краснокожий Винису- преданный «Санчо Панса» отца Мефодия. Он и помог своему духовному наставнику взгромоздиться на его «Росинанта». Антон же всегда чувствовал себя в седле как дома, даже если коварная земля ходила ходуном под тяжестью им выпитого. Взяв в повод вьючных лошадей, Винису вспрыгнул на солдатское одеяло заменявшее седло на спине его пятнистой лошадки и последовал за своими бледнолицыми братьями.

А тем временем Мефодий объяснял старому корешу природу заботливости своей краснокожей няньки: «Сей обращённый язычник был спасён мною от неминучей погибели от огненной воды, к коей он был зело пристрастен. Токмо молебен «Неупиваемая чаша» и вырвал его из когтей зелёного змия. Я из него ещё дьячка сделаю…". В ответ Антон молча кивал- толи был полностью согласен, толи привычно спал в седле. Дорогу же ведущую к новым приключениям выбирал мерин святого отца по своему усмотрению. О событиях

произошедших в жизни каждого из них со времени последней встречи они поведали друг другу ещё в кабаке у этих чёртовых заморских сектантов, как точно классифицировал их отец Мефодий. Антон узнал, что неуёмное жизнелюбие его старого друга породило скандал в церковных кругах, обеспокоенных его прелюбодеяниями и пьяными дебошами. Поставленный перед выбором- монастырь или миссионерство в заокеанской епархии, Мефодий выбрал последнее. Самому же Антону нечего было особенно рассказывать, кроме того, что война на Балканах закончилась раньше, чем ему хотелось, потому и потянуло его в странствия по новому свету, где он не бывал и не повоевал- давала себя знать цыганская кровь его бабки.

3. Не надо искать приключений – они найдут вас сами

Будущий дьячок Винису умело обустроил ночлег на том месте, где свалился с лошади его повелитель. В ложбинке, где удобно расположилась наша компания дымил костерок и кипел на нём чайник, в который просвещённый туземец уже всыпал заварку- чёрт его знает где он её брал в этой стране кофе. А куда деваться, если наш бравый поп нигде не желал менять своих привычек?

Антон проснулся в неурочный час от страшного грохота. Грохот исходил от земли и отдавался в его больном с похмелья мозгу- кто то приближался к лагерю. Вскоре и воздух донёс до них шум производимый большим стадом. Оно прошло стороной. Сопровождавшие его всадники тоже не свернули к ложбине. Ночной перегон скота наводил на мысли о криминале. Но с уверенностью говорить об этом можно было только когда объявится хозяин угнанного стада.

Он появился утром- пацан лет двенадцати. Рассказ его был недлинным но жутковатым, о том как бандиты прикончили его отца и угнали скот, а он оставил братишку с сестрёнкой в фургоне и, достав из него припрятанный старый Спенсер пятьдесят шестого калибра, отправился в погоню,

надеясь вернуть как-то единственный источник пропитания своей осиротевшей семьи. Мальчик был смелым как Тимунчи- будущий Чингисхан, но на его пути не было видно друга, подобного тому, которого встретил будущий повелитель мира и который помог ему вернуть табун оставшийся от отца. Но зато были два старых рубаки, не считая индейца. И им такое безобразие под солнцем не понравилось. «Давно пора подраться на новом месте, чтоб нас здесь узнали», – выразил общую мысль Антон и Мефодий её одобрил, да и Винису не прочь был пополнить свою эксклюзивную коллекцию скальпов парой-другой свежих экземпляров. Взгромоздившись на коней вся бражка отправилась по широкому следу. Предводительствовал, как всегда, Мефодий, надеющийся освежить свою гудящую с похмела буйну голову встречным ветерком.

4. Круче только яйца

Угонщиков было восемь человек. Это была одна из многочисленных шаек янки, притеснявших и грабивших граждан некогда свободной республики Техас, пользуясь попустительством оккупационных властей, мстивших таким образом за поддержку техасцами конфедератов в ходе недавней гражданской войны. Были в этой банде и два донашивавших форму юнионистов негра.

Состав шайки, её вооружение и расположение разнюхал Винису, посланный в разведку Мефодием, заявившим, что ему самому не по сану ползать где попало.

Бандиты встали лагерем у ручья запруженного, видимо, ещё индейцами- скоту нужен был водопой. Наша же компания отсиживалась, до поры, в зарослях на берегу того же ручья полумилей выше по течению.

Мефодий достал из притороченного к седлу чехла свою двустволку Лефоше десятого калибра с укороченными до двадцати дюймов стволами, осмотрел её и решил почистить- спешить было некуда. Антон упражнялся в перезарядке своих револьверов, оттачивая навык вкладывания в барабан по два патрона одним движением. Винису точил ножи

себе и хозяину. Один пацан не находил себе места. «Сядь. Не мельтеши», – сказал ему Мефодий. И добавил: «И добро твоё вернём и этих душегубов побьём.» Смысл сказанного парень, похоже, понял без перевода.

* * *

Перед рассветом они были уже на месте. Мефодий подоткнул спереди подол рясы за пояс, снял сапоги и перекрестившись полез в кусты у воды, где и устроился со своей двустволкой. Антоха, загодя перейдя ручей, готовился в нужный момент проскочить по плотине в логово банды. А Винису с пареньком, которого уже все звали Тэкс, отправились пугнуть стадо в сторону лагеря. Таков был план, и он сработал.

Чёрти что может учинить индеец подобравшийся к мирно жующему во сне стаду. Несладко пришлось бандитам от рогов и копыт. Когда же они, очумев с просоня от такого дела, ломанулись в кусты, Мефодий встретил их залпами своей мортиры. Парочку-другую хитрожопых бездельников, сунувшихся в воду, пристрелил Антон. Винису тоже успел кое кого ободрать в соответствии со своими культурными традициями.

Пора было и отдохнуть от трудов праведных, но в остав-

шемся в наследство от разбойников лагере было некомфортно от коровьих лепёшек и к тому же сильно чадил один из дохлых негров, свалившийся рылом в костёр. Пришлось сразу же начать сгонять скот.

5. Правосудие по техасски

Когда два наших Донкихота в сопровождении единственного Санчи Пансы- Винису подвалили к очередному посёлку, именуемому городом исключительно по самомнению построившего его всемирного сброда- Янки, там царило оживление. Вокруг единственного на всю округу дерева собралась возбуждённая толпа. Под деревом валялся связанный и основательно избитый мексиканец. Судя по присутствию лассо которое разматывали два местных ханыги, парня собирались повесить. Но появление весьма колоритных гостей отвлекло на время публику даже от столь интересного занятия. Отец Мефодий не замедлил поинтересоваться причинами происходящего и получил в ответ хор выкриков из которых следовало, что мексиканские бандиты всех задолбали своими набегами. Вот и было решено вздёрнуть для острастки первого проезжего мексикашку, повесив на него обвинения во всех старых обидах.

Для скорой расправы был и судья, взявший псевдоним Линч, и двенадцать добровольных присяжных, а все остальные были прокурорами. Не было только адвоката. Его место тут же и занял наш поп, заявив, что у всех местных бродяг не хватает духа схлестнуться с настоящими бандитами и они решили отыграться на постороннем мальчишке. Гал-

дёж собравшихся усилился. В адрес новоприбывших понеслись угрозы. В ответ на них Мефодий посулил толпе божью кару скорую и ужасную. И закончил свой спич словами: «Не судите да не судимы будете! И только Бог всем судья!» Затем он предложил перейти непосредственно к божьему суду, как в старые добрые времена. А это означало поединок. Толпа притихла.

Антон выбрал на глаз самого наглого парня, который только что громче всех орал, и ткнул в него пальцем, предлагая отойти для решения вопроса. Собравшийся сброд снова оживился и подался в стороны, освобождая место. Образовался живой коридор в котором друг против друга стояли поединщики. Мефодий объявил, что сам подаст сигнал к началу, сосчитав до трёх. Никто не возражал. Пошёл отсчёт. Антон взялся за рукоятки револьверов, его оппонент, как все такие придурки, стоял оттопырив мизинец, готовясь ухватить рукоятку своего кольта. На счёт три Антоха выдернул из за пояса обе пушки, одновременно смещаясь в сторону. Сеанс стрельбы по македонски произвёл впечатление на шарахнувшуюся толпу. Только противник нашего бойца остался спокойно лежать на земле.

Все забыли о мексиканце, чему тот был весьма рад, тем паче, что Винису уже разрезал его путы. А тем временем Мефодий намекнул обществу, что не плохо бы, по завершении

столь знаменательного события, и выпить. От желающих угостить божьих вестников не было отбоя.

6. Железный конь бьет копытом

Антон поделился с Мефодием своей давней мечтой взглянуть на великий Тихий океан и тот поддержал эту затею. Тем более стоило опробовать новенькую трансокеанскую железку. И вот уже они оба сидят у окна в несущемся в даль вагоне. Винису же катил к большой воде на платформе вместе с их лошадьми.

А беспутная судьба уже вывела шайку Бешенного Гарри на очередную кривую дорожку, которая и привела их прямиком к двум стальным колеям по которым толстосумы с обоих побережий возят большие бабки. Таким образом обе славные компании силой пара стремительно сближались, даже не подозревая о существовании друг друга.

Когда локомотив со стильно расклешенной трубой заскрёб заблокированными колёсами по рельсам, не желая встречаться с брошенным поперёк путей бревном, Винису едва не проглотил свою трубку мира, жестоко разбуженный Мефодий выругался в бога-душу-мать, а Антон потёр ушибленный затылок. Всем было ясно- что-то случилось, осталось только выяснить- что. Раздавшаяся затем пальба дала понять, что их встречают, причём торжественно. Пора было доставать свой припас.

Когда, опустив стекло, Мефодий высунулся по пояс из окна со своей верной двустволкой в руках, первое что он увидел была нагло ухмыляющаяся небритая рожа поверх конских ушей. Обладатель сей богопротивной хари тут же ухватился за стволы ружья и потянул их в сторону. Но не таков был Мефодий, чтобы позволять кому-либо так бесцеремонно распоряжаться своей собственностью. Тем более, чувствуя дружескую поддержку Антона, крепко фиксирующего его за седалище. Возмущённый пастырь ткнул нечестивца стволами в зубы и тут же, подхватив поводья, плюхнулся в покинутое им седло, не обращая внимания на задравшуюся рясу.

Когда навстречу группе встречающих вылетел верхом рычащий жуткие проклятия православный поп с ружьём, они слегка обалдели. Но окончательно их смутил псих, взявшийся палить в них из револьверов с пулемётной скоростью из под ближнего вагона. Это уж точно было плохой приметой, и Бешеный Гарри, забыв о ждущих его деньгах, повёл свой отряд в отступление. Но уже не в полном составе. Из оставшихся выкраивал куски шкур Винису- на ремонт своей трубки.

7. Пуп свободы

Город Лохбург готовился к очередным выборам. Спонсором этого праздника демократии был его несменяемый мэр мистер Бир. Посещая по очереди все четыре принадлежащие ему салуна, он выставлял бесплатную выпивку всем посетителям. А тем временем крепкие ребята из его команды по своему «уговаривали» потенциальных диссидентов. Всё шло привычным путём, пока чёрт не принёс на его голову русских туристов и примкнувшего к ним аборигена.

На демократию им было наплевать, но когда дурачат и мордуют народ- это им было не по вкусу. Узрив погром редакции и типографии независимой газетки со всем их персоналом в лице одного человека, наши приятели не могли пройти мимо и вдрызг распушили банду хулиганов. Разогревшись таким образом, они готовились к решающей потасовке. Ждать её было не долго- битые шестёрки, утирая кровь и сопли, уже трусили за подмогой.

Дерзость пришельцев не на шутку разгневала власть предержащих. На помощь своему младшему брату- шерифу явился сам мэр с ассистентами и лично проорал в рупор предложение беззаконникам сдаться, чтобы быть по закону повешенными.

А Антон уже набил порохом бутылку из под шампанского, наскоро высосанного Мефодием, крепко заколотил в горлышко мундштук трубки Винису, начинённый тем же составом и опустил сей прибор в холщовый мешочек, заполнив оставшееся в нём пространство типографским шрифтом.

Этот то снаряд и полетел из окна второго этажа типографии в сливки местного общества, весело попыхивая по дороге трубкой мира. Печатное слово имело успех, закреплённый дуплетом десятого калибра и простой берёзовой оглоблей в умелых руках выпрыгнувшего из окна Антона. Сильно расстроенный утратой фамильного курительного прибора Винису тоже оттянулся, славно помахав своим томагавком. После этих его манипуляций взбитые сливки опали настолько, что на выборы пришлось выдвигать новые кандидатуры.

8. Златоуст Мефодий

Заводя беседу в салуне много чего узнаешь о местных делах. Иногда такое, что только руками разведёшь. Вот и на сей раз прослышал наш батюшка, что многие из местных ранчеро решили сняться со своих пастбищ и двинуться дальше на запад. Вмешавшись в беседу, поинтересовался он причиной такого серьёзного решения и поведали ему, что местный магнат запретил гонять скот к реке на водопой через земли которые он объявил своими. И уже возводят по его приказу кое где ограды. А нанятые головорезы отбирают скот, который оказался в «его» владениях. Услышав такое, Мефодий круто разгневался и тут же закатил обличительную проповедь с обширными цитатами из Иоанна Златоуста. «Они бы и небо поделили, если на нём можно было заборы ставить», – гремел он на весь салун, обличая грабителей. В стране длинноногих коров дело шло к революции. Но местному говяжьему королю грозило не гильотинирование, а линчевание.

9. Триста процентов прибыли

Воротила, норовящий подмять под себя всю округу, был человеком уже знакомого нам Бешеного Гарри. Через него тот легализовывал награбленное. Поэтому шайка Бешенного всегда была к его услугам. Вот такой был расклад супротив двух наших джокеров и краснокожего в прикупе.

Штаб банды располагался в местном борделе. Туда и поступило известие о появлении смутьянов, когда Гарри ещё не слез с негритянки Лулу. Лулу осталась недовольна, поскольку её дружок сразу взбрыкнув впрыгнул в кожаные штаны и, размахивая револьвером, бросился поднимать свою армию, которая разлагалась в этом же гостеприимном заведении. Поначалу бойцы были не в восторге от предлагаемой перемены рода деятельности, но слух о том, что на них снова решил наехать шаман с двустволкой, который уже подорвал однажды их репутацию самой отчаянной ватаги во всём штате, возбудил их ярость. Шлюхи были забыты, бурбон остался в бутылках, всех чертей призвали на помощь- зрела большая заваруха.

10. Когда чертям тошно

Сидя на крыше платной конюшни, Винису обкуривал свежевыструганную трубку, когда вдали показалось облако пыли. При приближённом рассмотрении это оказалась шайка Гарри. Винису издал душераздирающий вой, послуживший сигналом боевой готовности, и скатился с крыши.

Среди ранчеро нашлись такие, кому западло было бросать обжитое место и нажитое имущество, даже если за них могут кишки выпустить. Они то и создали комитет бдительности и избрали отца Мефодия его председателем. Комитет заседал в задней комнате салуна и вырабатывал план действий, черпая вдохновение и боевой дух не только из мудрости отцов церкви, но, как водится, и из стеклянных ёмкостей, коих запас имеется в каждом подобном заведении. Сплетник предупредивший Бешенного был направлен к нему из за этого же обильного стола. Потому трубный глас Винису, донёсшийся в раскрытое окно, и не обескуражил собравшихся- план был готов и каждый знал, что ему делать. На первом этапе следовало сбить спесь с шайки и выбить как можно больше её бойцов.

В городке, где обитали торговцы, ремесленники и прочие нужные населению окрестных ранчо люди, имелись две

улицы, соединённые переулками. На одной из них поселились приличные граждане, на другой- менее приличные. Но на задворках обеих имелось множество строений служивших проявлениям их разнообразной предприимчивости. И над всем этим возвышалось три здания: гостиница, церковь и дом мэра. На каждом из них разместилось по паре стрелков с мощными винтовками для охоты на бизонов. В перегороженных повозками переулках засели люди с дробовиками. Имелся и резерв с винчестерами, который держал при себе Мефодий. Антон отправился на свободную охоту. А куда смылся Винису никто не знал.

* * *

Ватага Бешенного ворвалась в посёлок с ходу. Понеся кое-какие потери от огня расставленных загодя стрелков, бандиты рассредоточились по укрытиям, взяв в осаду салун. Мефодию с его стрелками пришлось укрыться в подвале, поскольку винтовочные пули прошивали каркасное здание насквозь. Обнаружив на новом месте обилие бочонков с пивом и другие припасы, он вслух порадовался, что жажда ни ему, ни его спутникам не грозит и принялся выцеливать супостатов через подвальное оконце своей двустволкой.

Пока обе стороны переводили для поддержания баланса патроны, Антон, из своего укрытия на сеновале конюш-

ни, высматривал где сховался главарь. И, таки, углядел отмашку, которую тот давал своим подручным. Скользнув вниз по опорному столбу, Антоха пробрался между стойлами и выглянул во двор. Там было спокойно. Перебежав открытое пространство, он перемахнул забор и оказался в саду мэра. До подворотни где укрылся Гарри было рукой подать. Антон перевёл дух и крадучись двинулся вперёд. Наконец из за розовых кустов открылись посыпанная гравием дорожка и веранда напротив. Дорожка шла к воротам и враг был там. «Гравий достаточно утоптан и не должен скрипеть. Но нужно быть осторожным», – подумал Антон. Невесомыми шагами и почти не дыша проплыл он к калитке и, резко распахнув её, увидел широкую спину крезанутого Гарри. Ухватившись за его воротник, Антон подбил ему пинком колено и втащил завалившуюся тушу во двор. Калитка захлопнулась сама собой. приложив пару раз по башке револьвером, успокоил клиента. Полдела было сделано. Оставалось упаковать гостя и рассеять его присных.

Когда Антон впихнул своего найдёныша в подвал салуна, это вызвало прилив энтузиазма у собравшегося там общества. Опрокинув по стаканчику за такой случай, бдительные, осыпая градом пуль все подозрительные места, по одному выпускали своих наружу. И вскоре нападавшим самим пришлось расползтись по щелям, из которых их и выковыривали до позднего вечера. По ходу этого дела, нашёлся Ви-

нису, который и принял в нём самое живое участие- для его коллекции скальпов потребовался новый мешок. С ударной силой мироеда было покончено, пришёл черёд и его самого.

11. Упразднение монархии

Эксвластелин округи собирал манатки. Покидав в тарантас все необходимое в дальней дороге и сунув под сидение саквояж с ценностями, он собрался было влезть на козлы. Но тут во двор ворвались верхами чужие головорезы и мистер Буффер явственно понял, что это по его душу.

Обещанный Мефодием суд линча был на мази. Получив пинок под зад, магнат растянулся на земле, а в воздухе над ним уже завертелась верёвка, будто сама собою свиваясь в петлю. Но тут на сцену явился отец Мефодий во всём своём грозном величии и велел поставить христопродавца пред его ясны очи. Что и было проделано. «Хорош говнюк», – оценил батюшка экспонат. И поинтересовался у окружающих: «Вы никак вешать его затеяли?» Гул одобрения ему не понравился. Победителем он был великодушен, да и народному ликованию больше соответствовал комический сюжет. Посему дело закончилось тем, что засранцу спустили штаны и от души его выпороли. Затем облили дёгтем, припасённым в его каретном сарае и, разодрав перину, щедро осыпали его перьями. После чего всем стало ясно, что магнатом ему в этих краях больше не бывать. И лучше всех это почувствовал сам виновник торжества- своим задом.

12. Как стать настоящим человеком

Вот так, не задумываясь решая чужие проблемы и не ища выгоды для себя, кочевали наши приятели по Новому Свету. А молва бежала впереди них. В каждом городе их уже встречали репортёры местных газет, а жители сбегались на них поглазеть. Телеграф разносил известия об их похождениях и маршруте следования. Становилось скучно, что обостряло любопытство.

На почве этого, Винису пришлось ответить на множество вопросов о нравах и обычаях своего племени. Самым занятным оказалось то, что название племени- «Шайены» переводится, как «настоящие люди». Такая концепция национальной исключительности позабавила Антона, но весьма расстроила отца Мефодия, который даже обругал, в сердцах, Винису жидом. На что тот не обиделся, поскольку не знал, что это означает.

Пора было наставить заблудшее племя на путь истинный. А собираясь в гости, надо было готовить подарки. Со слов Винису, больше всего в его племени радовались огненной воде. Денег на пропой целому племени, вестимо, не было. И потому святой отец посулил не только приобщить соплеменников своего наперсника к истинной вере, но и научить

их ставить брагу. Сия материя весьма заинтересовала любознательного краснокожего, и всю дорогу к родным вигвамам он выспрашивал у своего наставника рецепты обещанного нектара, коих тот знал, как оказалось, великое множество. А сам Винису, что выяснилось по прибытии, принадлежал к самой аристократической части своего, претендующего на богоизбранность, народа. Его отец был главным шаманом. Всё племя радовалось возвращению блудного сына и приняло его белых братьев как родных.

Особый фурор среди многочисленных ценителей вызвал вернисаж скальпов, устроенный Винису. Дело дошло даже до потасовки среди претенденток на его руку и сердце.

Религиозный диспут с местным духовенством пришлось отложить на время, поскольку они сильно увлеклись освоением премудростей изготовления нового ритуального напитка. Выяснять отзывается ли Великий Дух на имя Иисус почтенным иерархам было недосуг. И без того в их вигвамах поселились радость и благоговение.

В общем контакт цивилизаций наладился полный и на самом высоком уровне. Более того, выяснилось, что под этим делом, шайены быстро осваивают русский язык, и в первую очередь его ненормативную лексику. И бывало слышалось у костра за чаркой бражки: «Я тебя как шайен шайена спра-

шиваю- Ты меня уважаешь?»

13. Ветер странствий пахнет керосином

Когда большинство краснокожих приятелей уже повидалось с «белкой», наши землепроходцы благоразумно решили свалить из их гостеприимного стойбища, от греха подальше. Они и не подозревали, что именно с их лёгкой руки, и начался, по уточнённым данным, путь познания дона Хуана, а до бешенных грибочков он докатится значительно позже. Но это другая история и её уже рассказал Кастанеда. А великие брухо русского разлива устремились, тем временем, в направлении южных штатов, поскольку любознательному Мефодию загорелось посмотреть, как уживаются там после гражданской войны разноцветные протестантские еретики.

В то же самое время негр Луи- прадедушка Луиса Фарахана сколачивал тайную организацию «Чёрная нога» Для обуздания разгулявшегося Ку-Клус-Клана. Для этого он даже съездил в Бразилию, чтобы перенять опыт тамошних партизан-капоэйристов. До открытия, сделанного его потомком, что исконной религией негров является Ислам, было ещё далеко, но хитрожопых евреев Луи уже не любил, не без основания полагая, что они приложили, таки, свои подлые руки к скупке за бесценок чёрных в Африке. Антисемитизм был единственным в чём он сходился со своими врагами из кла-

на. Те тоже ненавидели иудеев, но уже за то, что их банкиры подбили Линкольна на гражданскую войну и вдоволь поматродёрствовали после неё.

Вот в эту то кашу и собирались нырнуть с головой наши неугомонные бродяги и верный им Винису.

14. Пикничок

Собравшийся на заброшенной мельнице актив местного отделения клана с воодушевлением выслушал послание верховного магистра, зарядил дробовики, попрыгал в сёдла и отправился задавать очередную острастку черномазым. Но на сей раз сцена для показательного выступления, как на грех, оказалась в непосредственной близости от дешевой гостиницы, где почивали, после продолжительного заседания в баре, наши приятели.

Скорняжная мастерская, принадлежавшая разбогатевшему негру, была обложена по всем правилам. Пропитанный маслом крест разгорелся во всю. Но черномазые не спешили вылезать из своей берлоги, несмотря на любезное предложение угостить их крупной дробью. Хитрый куркуль ждал обещанной подмоги от «Чёрной ноги» которую он финансировал. Поднятые молодцами в белых балахонах гам и пальба способны были разбудить самого ленивого негра в округе и потому завербованная Луи чёрная шпана не замедлила явиться на огонёк. После чего всеобщий гвалт резко усилился.

Пробуждение отца Мефодия от его блаженного сна, в котором фигурировало изобилие разнообразной выпивки и за-

кусок, предлагаемых наперебой смазливыми и бойкими бабёнками, было неприятным. На стенах комнаты плясали тревожные сполохи, под окнами орали. Похоже было на пожар. И сразу стало интересно- не мы ли горим? Выглянув в окно, батюшка узрил удивительную сцену, живо напомнившую ему картины адских мук грешников, которые он так любил живописать в своих пламенных проповедях: при свете догорающего креста какие-то анчутки в белых штанах мутузили чем не попадя еретиков в белых же ритуальных балахонах. В этот момент к Мефодию присоединился проснувшийся Антон. Понаблюдав пару минут представление, он предложил принять в нём участие, раз уж они всё равно проснулись. Мефодий был, в принципе, не против. Оторвав от веранды гостиницы по подходящей балясине, оба молодца с богатырским уханьем принялись расчищать площадку разом и от нечисти и от нечестивцев. Когда наиболее умные разбежались, а оставшиеся буяны были успокоены домашними средствами, настало время обозреть пейзаж после битвы. Вид был тот ещё: чёрные и белые лежали мирно как котята, уткнувшись друг в друга носами. Пора было с ними и побеседовать. Сбегав к насосу, Антон окатил парой вёдер отдыхающую публику. Но ничего кроме стонов и невнятных ругательств намыть не удалось. «И чего ради нас разбудили?» – недоумевал Антон, но скальпы снимать подошедшему Винису всё же не позволил.

15. Чёрный бетмен

Покоцанные рыцари клана, собрав мозги в кучку, припомнили что обидели их, в основном, двое неизвестных белых от которых досталось и ниггерам, и теперь пытались сообразить, что им с таким счастьем делать.

Но не таков был Луи, считавший, что прошло то время, когда его можно было безответно на конюшне пороть. Попрактиковав пару часов обряды Вуду, он замыслил жуткую месть. И вот на третью после знаменательной битвы ночь он, разрисовав себя под скелета, с ножом в зубах нырнул в каминную трубу и очутился в комнате отца Мефодия. Ни чего не подозревающий миссионер сладко спал, привольно раскинувшись на двуспальной кровати. Коварный негр решил использовать такой шанс полностью и не только прикончить грозного врага, но и забрать себе его силу. Для чего древний обряд требовал срезать волосы с причинного места ещё живого врага.

Пробуждение Мефодия вновь было неприятным. Почувствовав непотребное поползновение, он открыл очи и узрив склонившийся над собой шкелет возопил «Господи помилуй!» Столь зычный глас посредь ночного безмолвия мог повергнуть в ступор кого и покрепче чем доморощенный ча-

родей Луи. А наш батюшка, призвав Господа, не теряя времени понапрасну, ухватил шуйцей своей череп за затылок, а правой дланью упёрся ему в подбородок и крутнул образину супротив часовой стрелки. Хорошо что у негра была бычья шея, иначе отправился бы он прямиком на суд божий, а так он просто грохнулся на пол, получив напоследок по макушке пудовым кулаком от севшего на постели Мефодия.

Явившийся на шум Антон помог приятелю перекинуть незваного гостя в кресло. После чего его привели в чувство с помощью распространённого в здешних краях самопального виски.

16. Мудрость соломонова и её последствия

Выслушав душераздирающий рассказ Луи о многовековых негритянских обидах, Мефодий сказал ему: «Ты прав, чадо!» И в этот миг раздался стук в дверь номера То лидер местного общества «ККК» решился, наконец, на неофициальный визит к загадочным незнакомцам. Когда ему было предложено войти Луи заголосил навзрыд: «Вот он главный гонитель моих чёрных братьев!» В ответ новый гость изложил свою версию. Недолго подумавши, отец Мефодий и ему молвил: «И ты прав, чадо!» И обращаясь к обоим добавил: «Лупите друг друга! Бог рассудит, кто из вас правее! В этой сектантской стране накопилось столько зла, что без кровопролития тут не обойдётся!»

Аминь, однако.

ЗА СВОЮ ПРАВДУ!

В кровавой бойне мировой
Бессмысленной войны
Убийц готовят короли
И русские цари.

Ты был наивный паренёк,
Над книжкою мечтал,
Прекрасной даме мадригал
В тетрадку ты писал.

Гаврила Принцип – террорист
В Сараево стрелял.
Кликуш безумных русский царь
Безвольной жертвой стал.

И вот, ты, брошенный в окоп,
Готов бежать в штыки
На бастион, под пулемёт.
О Боже, помоги!

Романтик должен озвереть
И предъявить свой счёт.
Так цепи рабства разорвёт
Ужасный зверь – народ.

Сонный уездный городок копил зажиточный жирок – умели жить купчины и купчишки – кому надо свезли в столи-

цу подношение и железнодорожная магистраль, связавшая империю из конца в конец – от Балтийского моря до Тихого океана, прошла через их город на берегу большой реки, где они уже давно обзавелись своими пароходами. И делали они спокойно свой гешефт и имели с него хороший профит, снабжая всю Сибирь своими знаменитыми скрипучими сапогами и подобрав хлебную торговлю среднего Прикамья под свою биржу. И строили они со своих доходов особняки, похожие на небольшие дворцы, и дачи в стиле модерн и на развитие города у них после этого оставалось – и на дизельную электростанцию и на водопровод и на женскую гимназию с первым в стране реальным училищем, тоже. И ни какие геополитические катаклизмы не могли этому помешать – по причине удалённости сего богоспасаемого града от государственных границ. Но пришла из столиц война гражданская и прокатились её фронты по Сарапулу аж несколько раз и пострадал в той кровавой каше каждый четвёртый житель и, в основном, не от контрразведок враждующих армий, а от соседей, сводящих старые счеты и вымещавших давние обиды под барабанный бой классовой борьбы – волокли просто в ближайший лог и там кончали – в меру своей садистской фантазии.

И вот прошёл с той поры целый век и стёр из памяти многое, а многое и специально замалчивалось – по причине несоответствия официальной картине диктатуры победившего пролетариата. Это я о восстании ижевских и воткин-

ских рабочих против большевиков, которое коснулось краем и Сарапула, к уезду которого оба завода и были приписаны.

Без малого три четверти прошедшего века гражданская война прославлялась, как время революционных героев и их лихих подвигов, но кому то довелось тогда просто выживать, детей растить, а кто то и любовь свою тогда встретил и молил Бога уберечь её от пули.

***

Александр – молодой человек среднего роста с кавалерийскими усиками и в военной форме без знаков различия шёл прогулочным шагом по тенистой улочке, поглядывая временами на меняющиеся цвета заката.

Ещё один день идёт к концу, проведённый в прогулках вдоль Камы, в осмотре творений вятского архитектора Чарушина и его столь же даровитых коллег – одних церквей больше двух десятков, в беседах с обывателями о столичной политике и о местных слухах, посещении лавок и других заведений для приличной публики, где ему не довелось много потратить – по причине ограниченности своих средств. А в неприличные заведения, коих в городке тоже хватало, уже не тянуло, поскольку в сердце его поселилось нежное чувство к доброй и скромной сестре милосердия из местного госпиталя – Леночке, благодаря заботам которой он встал на ноги много раньше, чем ожидали доктора.

Александр не был кадровым военным – до войны он преподавал французский и немецкий языки в Тобольской гимназии и пописывал временами в местной газете. Поддавшись общенациональному порыву в 1914-м году, он записался в вольноопределяющиеся, закончил краткосрочную школу прапорщиков, но благодаря своему деду – сибирскому казаку он с детства стал лихим наездником и с учётом этого был направлен в драгунский полк с присвоением звания корнета, что уже соответствовало подпоручику в пехоте. Что вызвало определённое недовольство однополчан – выпускников юнкерских училищ, но юный филолог быстро заслужил среди них популярность своей лихостью, став охотником за языками и «перепахав» с этой целью тылы супротивной австрийской дивизии. Ему долго везло, пока бутылочная бомба, брошенная его подчинённым без должной выдержки после вырывания кольца, не была возвращена венгерским гонведом назад с последующей контузией и несколькими осколочными ранениями. И было бы это для корнета совсем фатально, если бы неудачливый гранатомётчик не прикрыл командира собой в последний момент. А так, привезли его в тыловой госпиталь, подлечили, отпуск по ранению дали. Пока был на излечении, получил письмо о смерти единственного оставшегося близкого родственника – отца. Поэтому он решил провести весь отпущенный на восстановление сил срок поближе к своей пассии.

Вот и небольшой дом – обшитый досками пятистенок,

в котором он снимает комнату у местного интеллигента – телеграфиста Николая. Пройдя скрипучую калитку и погладив на крыльце ласковую хозяйскую собачёнку, Александр открыл дверь в сени и прошёл к свому временному обиталищу – за дверной ручкой торчала свежая газета. «Какой разлюбезный у меня лендлорд!» – отметил квартирант.

Войдя в комнату и повесив свою фуражку на вешалку у двери, наш герой усаживается на диван и, развернув газету, углубляется в чтение. Спустя какое то время раздаётся стук в дверь.

– Входите, не заперто!

Входит Николай в форменной одежде связиста.

– Здравия желаю, господин корнет!

– Добрый день, Николай Васильевич. Я положил вам на бюро сажень керенок – за мою комнату.

– Напрасно беспокоитесь, друг мой. Не в моих правилах наживаться на служивых людях, проливших свою кровь за Отечество. Что продали на сей раз, если не секрет?

– Не поверите. Плачу с гонорара – честно заработанное.

– Вот как! И какой же из своих талантов вы употребили?

– Даю частные уроки французского соседу Максиму. Дабы наша прекрасная Елена не огорчалась неудами, которые её братец носит из реального училища.

— Дело сие богоугодное. А что нового пишут в газетах?

— Новости весьма любопытные – из Казани. Прогнали чешские легионеры большевиков и болтуны из учредиловки

уже делят власть. А о чём стучит телеграф?

— Много чего стучит. Властей теперь в России-матушке много и все грозные. Вот, на ижевском заводе некий «Союз фронтовиков» взял большевиков в совете за лацканы.

— Любопытно! Бросили герои фронт, но замашки свои митинговые, как и оружие, с собой привезли.

— Посетил я, давеча, большевистский митинг – орут благим матом о гидре контрреволюции. Все комиссары приблудные. Один Седельников местный – с детства его знаю, как отъявленного хулигана и хама.

— Не на долго их хамская власть. Квалифицированным рабочим их уравниловка нужна, как собаке палка. Знаю я сколько получали они на казённом заводе при государе-императоре. Прости, Господи, этого болвана.

— Забыли его все в Екатеринбургском изгнании. Не нужен он никому. Все сейчас от имени народа на власть претендуют. Вот и наш сосед Клим в совете представительствует.

— Неплохой он парень – грамотный. Зря он якшается с этими проходимцами – ведь повесят их скоро. А хороший механик на железной дороге любой власти нужен.

Раздаётся стук в дверь. Николай её открывает и видит молодую хорошенькую соседку – Елену.

— Здравствуйте, соседушка. Пожалуйте войти. Давно вас не видели. Всё на дежурствах пропадаете в своём госпитале. Побледнели от утомления, но по прежнему хороши.

Александр встаёт, подходит к Елене и целует ей руку.

— Бонжур, мадмуазель.

Елена делает шутливый реверанс.

– Бонжур, месье. Как наш шалопай? Не безнадёжен?

— Бойкий юноша. Однако, его французского я, пока, не понимаю.

«Со временем вы найдёте общий язык. Я в этом уверен. Довелось наблюдать с каким интересом он расспрашивал вас о вашем „Парабеллуме“» – вмешивается в их беседу телеграфист.

«Негодный бездельник! Расскажу маме – она ему задаст!» – возмущается Елена.

«Вы ещё не сказали нам, чему мы обязаны вашим визитом?» – интересуется домовладелец.

Елена всплёскивает руками.

– Ах, да! Мама приглашает вас на ужин. Приготовили, что Бог послал. Не обессудьте.

– А я паёк на станции получил и охотно с вами поделюсь.

— Ну, что вы! Спасибо.

И вся компания покидает комнату. При этом Александр придерживает дверь, пропуская Елену и успев при этом что то нежно шепнуть ей на ушко.

***

Революция добралась до Сарапула и сильно его измени-

ла – он перестал быть чистым, уютным и безопасным, хотя вид на его раскинувшиеся по холмам кварталы и оставался живописным, если не приглядываться к деталям.

Дворникам перестали платить жалование, но никто не мешал им теперь пьянствовать, орать на митингах о прежнем угнетении и потихоньку марадёрствовать.

Ещё недавно, любое новое лицо в городе привлекало внимание, в том числе и следивших за порядком полиции и жандармерии, упразднённых ныне вместе с царской властью. А теперь город превратился в военный лагерь для, мало имеющей представлений о дисциплине, вооружённой разноязыкой орды, включающей латышей, венгров и даже чёрт знает откуда взявшихся китайцев, обряженных в фантастическую смесь элементов форменной и гражданской одежды.

Зажиточная жизнь кончилась – пришло время экономии. Российский рынок развалился – возить партии обуви в Сибирь потеряло смысл – никто бы их не оплатил. Да и денег надёжных не стало – большевистские дензнаки и керенки котировались ещё ниже старорежимных ассигнаций. Керенки, вообще, мог печатать любой желающий, имеющий доступ к типографии – никаких степеней защиты они не имели. Их даже не разрезали на отдельные купюры – просто при расчёте отрезали от листа нужную сумму. Какое то количество обуви ещё производилось и позволяло выменивать на неё продукты. Хотя мастеров, способных полностью её пошить самостоятельно, в Сарапуле всегда было не много – и надом-

ное производство предусматривало разделение труда на отдельные операции с передачей по технологической цепочке из дома в дом: кто специализировался на выкройке заготовок для верха обуви, кто подмётки вырезал, кто каблуки вырубал, кто верх тачал, кто подмётки прибивал. Голодать, как в крупных городах, не приходилось – у многих были огороды и родственники в близлежащих деревнях. У каждого в доме печка и лес вокруг города – тащить в дом железные «буржуйки» и топить их мебелью было не нужно.

Больше тяготили царящие вокруг произвол и насилие – революционное правосознание дорвавшихся до власти и оружия психопатов. В то благословенное для серийных маньяков время любой из них мог стать комиссаром или атаманом. А уж что мог тогда получить педофил за корочку хлеба и место у печки от умирающих от голода и холода беспризорников?

Зато каждый недоучившийся полуинтеллигент – краснобай мог рискнуть выбиться в новые дантоны – робеспьеры.

Получил свой шанс и железнодорожный механик Клим – простой, честный парень, ещё донашивающий тельняшку – после срочной службы на Черноморском флоте. Начитавшись в отрочестве дешёвых сытинских изданий Майн Рида и Гюстава Эмара, он продолжал бредить благородными подвигами, не находя, до недавней поры, выхода своим героическим порывам. Но вот революция открыла все двери, а пара прочитанных брошюрок с популярным изложением марк-

систских идей открыла глаза на классовую борьбу и дала ему право и обязанность вести за собой тех, кто читать не умел. Ему сразу понравилось орать на митинге из толпы, а потом и с трибуны. Его заметили и кооптировали в уездный совет. Но не спешите его осуждать – ведь многие из нас прошли через подобное в конце восьмидесятых – начале девяностых годов того же двадцатого века. А наши хохластые небратья находятся в подобном ментальном статусе, вообще, перманентно. Тем более, что в дальнейшем нашем повествовании ему будет не сладко, а в 1937 году его вообще расстреляют – за недостаточную гибкость и излишнюю принципиальность. Так что отнесёмся к нему если не с сочувствием, то с пониманием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.